

Годжо Хара вернулся в Главное поместье Годжо, ведя за собой бессознательного Гэто Сугуру и двух маленьких девочек-магов, оборванных и измученных деревенскими жителями. Ни один из встреченных на пути родственников или слуг не посмел раскрыть рот. Сплетни в клане пресекались на корню, и никто не рискнул бы проболтаться о случившемся на стороне.

Хара поручил женщинам позаботиться о маленьких пленницах, которых спас Сугуру. Мимико и Нанако увели, чтобы отмыть, накормить и устроить на ночлег.

Самого же Гэто Хара лично запер в одной из гостевых комнат, предварительно запечатав его проклятую энергию талисманами.

Глядя на спящего на широкой постели друга и на покрывающие его тело запечатывающие фудзи, Хара глубоко задумался. Мировоззрение Сугуру дало трещину, его мысли стали пугающе радикальными. Пусть на этот раз трагедию удалось предотвратить, и безумец не успел вырезать деревню, где гарантия, что это не повторится? Рано или поздно тьма в его душе победит, и он снова попытается устроить бойню, окончательно превратившись в проклятого мага. Как же вырвать эту опасную идею из его головы раз и навсегда?

Поразмыслив, Хара бесцеремонно растолкал Гэто.

Тот с трудом открыл глаза и натолкнулся на холодный, безразличный взгляд.

— Ты ведь грезил о мире, где нет обычных людей? — ровным голосом спросил Хара. — Что ж, я предоставлю тебе уникальный шанс. Отправлю тебя туда, где ты сможешь лично прочувствовать все прелести такого существования.

Гэто опешил.

— Это как?

Вместо ответа Хара крепко сжал его плечо. В то же мгновение пространство исказилось, и они перенеслись на уединённый остров, затерянный в океане. Клан Годжо некогда выкупил этот клочок земли для отдыха. Здесь стояла вполне обустроенная вилла со всеми удобствами, но из-за отсутствия постоянных жильцов запасов еды и предметов первой необходимости было немного.

Бесцеремонно сбросив Сугуру на песок, Хара окинул взглядом побережье.

— Без не-магов человеческое общество мгновенно рухнет. Опустеют города, заводы останутся. Да, построенные ими дома и инфраструктура останутся, но надолго ли? Магов слишком мало. Без привычного обслуживания слабые маги, скорее всего, просто погибнут под натиском озлобленного мира, а выжившие сильнее будут обречены на жалкое, одинокое прозябание. Поэтому мы проведём эксперимент. Я забираю с этого острова всех обычных

людей. Всё, что здесь осталось из припасов, — твоё. Живи, радуйся. Наслаждайся миром без обывателей в гордом одиночестве.

Не дожидаясь ответа, Хара развернулся. Он собрал немногочисленный обслуживающий персонал виллы, погрузил людей на катер и отчалил, оставив Гэто один на один с океанским прибором.

На острове воцарилась мёртвая тишина. Сугуру остался совершенно один. К тому же его арсенал проклятых духов заметно поредел. Хара ещё во время их первой стычки изгнал большую часть подвластных ему тварей, а перед тем как оставить его на острове, планомерно уничтожил всех летающих проклятых духов, чтобы исключить любую возможность побега по воздуху.

Вспоминать об утраченных духах было больно.

"Ну зачем надо было изгонять моих летунов? — Гэто мысленно выл от досады. — Столько сил ушло на то, чтобы их подчинить! Мы ведь с Сатору ловили их вместе!"

Но Хара тогда лишь одарил его презрительным взглядом и ушёл, проигнорировав любые излияния. Когда этот человек решал действовать жёстко, жалости от него ждать не приходилось. Если бы не стремление создать достоверную симуляцию, Хара выпотрошил бы всю коллекцию Гэто до последнего проклятого духа.

Поначалу Сугуру даже не расстроился. После пережитого кошмара в деревне, когда его разум едва не захлебнулся в волнах застарелой злобы и отвращения к людям, уединение казалось благословением. Подальше от вечного шума мегаполиса, подальше от мерзких проклятий, рождённых людской гнилью. Просто покой и шёпот волн.

Но иллюзия курорта растаяла быстрее, чем он ожидал.

Запасы на вилле таяли на глазах. Сугуру, привыкший к благам цивилизации, понятия не имел о ведении хозяйства. Меньше чем за три недели он подчистил все кладовые и выпил запасы бутилированной воды. Пришлось вспомнить навыки выживания: охотиться в лесных чащах на мелкую дичь, собирать кислые дикие ягоды и нырять за моллюсками.

Вот только скудный рацион Робинзона не шёл ни в какое сравнение с привычной горячей едой.

Пока на кухне оставались соль и специи, дикое мясо ещё можно было есть. Но стоило приправам закончиться, как обеды превратились в пытку. Пресная, отдающая тиной рыба и жёсткое мясо лесного зверья вызывали тошноту. Сугуру приходилось давиться, мысленно уговаривая себя.

"Это всё равно лучше, чем глотать мерзкие сферы проклятых духов с их вкусом грязной

половой тряпки, вымоченной в рвоте"

Но вскоре его настигла новая беда — жестокое расстройство желудка. В диком мясе и сырой рыбе кишели паразиты. Не будь Гэто магом с феноменальной выносливостью и крепким здоровьем, обычное отравление вполне могло бы свести его в могилу.

Спустя ещё пару недель на остров обрушился мощный шторм. Буря перебила линии электропередачи и повредила водопровод. Насосы встали, свет погас. Роскошная вилла превратилась в бесполезную каменную коробку. Сугуру понятия не имел, как устроен генератор или как починить прорванные трубы. Окружённый умной техникой, он оказался отброшен в каменный век.

Привыкший к комфорту парень из Токио с трудом выносил это варварское существование. Самое страшное — Хара действительно ни разу не навестил его. За всё это время Гэто не встретил ни единой живой души.

Человек — существо социальное. В абсолютной изоляции разум начинает постепенно угасать, а жажда простого человеческого общения превращается в навязчивую идею. Раньше Сугуру спасался телевизором и радио: он часами сидел перед экраном, вслух отвечая ведущим передач, имитируя диалог. Но после отключения электричества пропала и эта жалкая замена.

Теперь ему было глубоко плевать на великие планы по истреблению не-магов и созданию рая для магов. Единственное, чего он отчаянно желал, — услышать чужой голос. Пусть даже это будет обычный человек, презираемая им "обезьяна" — плевать! Лишь бы кто-то заговорил с ним.

Спустя два бесконечных месяца Хара наконец соизволил явиться. Заросший неопрятной щетиной, исхудавший Гэто, увидев знакомый силуэт на берегу, бросился к нему со всех ног, забыв о гордости.

— Хара! Наконец-то! Ты пришёл!

Хара не проронил ни слова. Он лишь молча швырнул к его ногам... обезьяну. Самую настоящую, живую макаку. И тут же исчез в пространственной вспышке.

Сугуру замер, нелепо прижимая к груди упирающегося зверька. Лицо его вспыхнуло от стыда и злости. Насмешка Хары была очевидной и бьющей без промаха: раз уж ты считаешь обычных людей обезьянами, то вот тебе идеальный собеседник. Наслаждайся обществом себе подобных.

Гэто злился, но причинить вред животному не смог. В этом унылом мире безмолвия макака стала единственной живой душой. Раньше он пытался приручить дикого кролика, пойманного в лесу, просто чтобы не сойти с ума от одиночества, но тот вскоре издох.

Новый питомец оказался на редкость смышлёным и шкодливым. Обезьянка постоянно теребила его за волосы, строила рожицы и воровала остатки еды, но Гэто лишь беззлобно ворчал. С появлением этого пушистого компаньона тягучие дни потекли чуточку быстрее.

Прошло ещё три недели, прежде чем Хара вернулся. На этот раз он не стал сразу исчезать. Он остановился перед Гэто, скрестив руки на груди, и с лёгкой, едва заметной усмешкой окинул его взглядом. Особое внимание он уделил макаке, которая вольготно устроилась на плече Сугуру, щеголяя чистой, лоснящейся шёрсткой.

— Ну как? Поразмыслил на досуге? — спросил Хара. — Сладко ли живётся в мире, где нет "обезьян"?

Гэто до боли стиснул челюсти. Ему отчаянно хотелось возразить, сказать, что в его идеальном мире шаманы не вымрут до единого, что у него найдутся единомышленники и друзья.

Но слова застряли в гортани. Сугуру понимал: это ложь. Если обычные люди исчезнут, магов останется ничтожно мало. Настолько, что они просто рассеются по лику опустевшей земли. Каждый уползёт в свой угол, ведь без общего врага и социальных связей шаманам незачем держаться вместе. За всю жизнь можно будет так и не встретить другого человека.

Одиночество ломает любого. За эти месяцы Гэто сполна осознал, насколько важны те, кого он так высокомерно презирал.

Электричество, водоснабжение, отопление, производство одежды и медикаментов — всё это держалось на плечах обычных людей, специалистов в своих областях. Будь ты хоть трижды магом особого ранга с колоссальным запасом проклятой силы, перед сломанным дизель-генератором ты останешься беспомощным младенцем, если не смыслишь в инженерии.

Эта беспомощность больно била по самолюбию. Сугуру вспомнил свои недавние пафосные речи перед Харой, и ему стало так неловко, что захотелось провалиться сквозь землю.

Пытаясь сохранить остатки лица, он буркнул:

— Это всё потому, что ты изгнал моих проклятых духов. Будь они при мне, проблем со светом и водой не возникло бы.

В конце концов, среди его бывших слуг водились твари, способные генерировать электричество и управлять потоками воды.

Хара лишь снисходительно хмыкнул:

— Проклятия рождаются из тёмных эмоций и утечки проклятой энергии обычных людей. Исчезнут люди — исчезнут и духи. Твоя техника манипуляции проклятиями станет абсолютно

бесполезной пустышкой. Так что скажи спасибо, что я вообще оставил тебе хоть кого-то. Это, считай, была поблажка.

Гэто смолк. Раньше он легкомысленно полагал, что ради великой цели готов пожертвовать своей силой. Но за три месяца на острове у него было слишком много времени для размышлений. Ну хорошо, допустим, он убьёт всех не-магов. Но что делать, если у выживших магов родятся дети без способностей? Снова убивать? Своими руками? Сможет ли он, лишившись подвластных духов, заставить других родителей резать собственное потомство ради мифической расовой чистоты?

Его утопия трещала по швам. Это был тупик. Он запутался и не знал, куда идти дальше. Неужели этот бесконечный марафон, усеянный трупами его товарищей, никогда не кончится?

— Полностью искоренить проклятых духов невозможно, — негромкий голос Хары выдернул его из пучины самобичевания. Только сейчас Сугуру понял, что озвучил свои мысли вслух. Он растерянно поднял глаза.

Хара продолжил:

— В нашем мире действует непреложный закон равновесия. Когда проклятые духи множатся и становятся сильнее, человечество в качестве защитной реакции рождает больше сильных магов. Обычные люди генерируют негатив, создавая монстров, а система, спасая саму себя, возвращает тех, кто способен этих монстров уничтожать. Если уничтожить проклятия, баланс нарушится. Без внешнего раздражителя маги начнут постепенно терять свои силы. Через несколько поколений твоя «утопия» выродится в обычное человеческое общество, которое снова начнёт плодить проклятых духов, чтобы защититься от них. Это замкнутый круг, вечный круговорот энергии.

Хара, способный видеть нити мировых правил, знал, о чём говорит. Закон эквивалентного обмена правил этим миром безжалостно и непреклонно. И он не лгал Сугуру.

Лицо Гэто исказилось от изумления. Он долго переваривал услышанное, пока наконец тихо не спросил:

— И... что тогда делать? Как мне быть?

Глядя на его потерянный вид, Хара тихо, устало вздохнул.

— Реформировать систему. Если наладить тесное сотрудничество между миром магов и светским правительством, мы сможем находить одарённых детей среди обычных людей на самых ранних стадиях. Забирать их, давать образование, растить из них полноценных специалистов. Нужно навести порядок в классификации угроз. Пусть маги первого ранга изгоняют проклятия второго ранга, а маги второго ранга работают по проклятым духам третьего ранга. С запасом прочности. Это в разы снизит смертность среди наших коллег.

На самом деле Хара прекрасно понимал, насколько гнил, архаичен и пропитан феодальной плесенью мир магов. Верхушка нещадно эксплуатировала рядовых магов, превращая их в пушечное мясо. Но ему самому на это было плевать. Он никогда не стремился к роли спасителя или реформатора. Его единственной целью было прибрать власть к рукам, чтобы создать для младшего брата, Сатору, безопасный и комфортный мир, где тот сможет творить всё, что душе угодно.

Смерти незнакомцев его не трогали. Какое ему дело до чужих судеб, пока они не мешают его планам?

Но Сатору дорожил дружбой с Сугуру, а Гэто слишком сильно влиял на неокрепший разум младшего брата.

Хара вспомнил, что произошло в Токийском магическом колледже сразу после того, как он запер Гэто на острове. Естественно, нельзя было просто так заявить об исчезновении мага особого ранга. Хара лично явился к Яге Масамити и взял для друга долгосрочный отпуск.

— Яга-сенсей, Гэто столкнулся с вопиющим случаем: деревенские жители измывались над двумя маленькими девочками-магами. На этой почве у него едва не случился нервный срыв, он едва не натворил глупостей. Ему нужно время, чтобы прийти в себя, поработать с психотерапевтом и просто отдохнуть.

Яга, разумеется, не стал чинить препятствий. Новость о психологических проблемах лучшего ученика его не на шутку встревожила.

— Конечно, пусть отдыхает сколько нужно. Наша работа... она ломает людей. Эх, Сугуру действительно несладко пришлось.

Директор прекрасно знал, в каком аду порой оказываются дети-маги, рождённые в обычных семьях. Обыватели боятся того, чего не понимают, и слепая жестокость толпы — обычное дело.

— А что с девочками? — спросил тогда Яга.

— Я устроил их в поместье Годжо под присмотр, — спокойно ответил Хара. — В общежитии колледжа им не место, а отдавать в обычный приют слишком опасно.

Яга с облегчением кивнул. Харе он доверял безоговорочно.

Уладив вопрос с директором, Хара даже не стал интересоваться мнением Главного совета магов. Верхушка могла сколько угодно возмущаться тем, что ценный кадр прохлаждается без дела, но Яга умел держать удар, да и шпионы Хары в Совете вовремя заглушили недовольные голоса.

Куда сложнее оказался разговор с младшим братом.

Харе пришлось тщательно взвешивать каждое слово, смешивая правду с ложью в нужных пропорциях:

— Сатору, Сугуру сорвался. Он уже выпустил проклятых духов и собирался вырезать всю деревню. К счастью, я почувствовал всплеск его энергии и успел заблокировать удар. Если бы не моё вмешательство, он бы стал беглым проклятым магом. Его рассудок помутился, он твердил о геноциде не-магов и создании какого-то безумного «рая». Я не стал возвращать его в колледж, а отправил в глухое место перевести дух. На него навалилось слишком много, парень просто сломался. Пусть отдохнёт, обдумает всё. Не переживай, с ним всё будет хорошо.

Сатору долго молчал. Его взгляд, обычно такой уверенный, стал растерянным и по-детски незащищённым.

— Брат... — тихо заговорил он. — Но ведь Сугуру всегда твердил, что сильные должны защищать слабых. Это была его личная истина. Как он мог так быстро перевернуться на другую сторону? И почему... почему я ничего не заметил?

Видеть растерянность брата было невыносимо. Хара чувствовал, как внутри закипает глухой гнев на Гэто. Из-за этого идеалиста Сатору теперь страдал и винил себя.

Хара крепко обнял брата, прижимая его к себе, и заговорил мягким, успокаивающим тоном:

— Мы все упустили этот момент. Да и его бывшая «истина» была лишь другой крайностью. Он верил в сказку, потому что не сталкивался с настоящей грязью жизни. Стоило иллюзиям рухнуть, как рухнула и его вера. Ты ни в чём не виноват, Сатору. Вы близкие друзья, но уважение к чужим границам не позволяло тебе копаться в его грязном белье. Ты всё делал правильно, ты замечательный и чуткий брат. Не смей винить себя.

Уткнувшись в плечо старшего брата, Сатору закрыл глаза. В этих объятиях паническая тревога и чувство вины медленно угасали, сменяясь привычным чувством безопасности.

"Раз брат рядом, всё обязательно наладится!"

В этом Сатору не сомневался никогда. Узнав, что другу нужно время побыть наедине со своими мыслями, он больше не порывался бежать на поиски.

Но шло время, и три месяца пролетели как один день. Все невыполненные миссии Гэто легли на плечи близнецов Годжо. В конце концов, даже безграничное доверие Сатору к брату дало трещину. Ему надоело ждать у моря погоды.

— Брат, я иду к нему, — твёрдо заявил Сатору однажды утром. — Надо выяснить, сколько ещё

этот лентяй собирается прятаться от реальности. Он там что, решил, что курорт за чужой счёт — это его призвание?

Хара, отлично знавший, в каких условиях «курортничает» Гэто, лишь мысленно хмыкнул. Едва ли рацион из диких ягод и несвежих устриц можно было назвать роскошью.

— Хорошо, — пошёл на компромисс Хара. — Я навещу его первым. Спрошу его мнения. Он никого не хотел видеть, но, думаю, мне удастся убедить его вернуться.

Сатору нехотя кивнул, соглашаясь подождать ещё немного.

Показать Сугуру несостоятельность его радикальной мечты было лишь половиной дела. Чтобы спасти его разум от окончательного распада, требовалось дать ему новую, чистую цель — то самое «великое дело», ради которого он согласится жить и бороться дальше.

Его падение началось из-за жалости к сородичам-магам, которые гибли ради неблагодарной толпы обывателей. Раз нельзя уничтожить источник проклятий, значит, нужно минимизировать потери среди магов.

И Гэто ухватился за эту мысль, как утопающий за соломинку. Его глаза, доселе тусклые и безжизненные, вновь лихорадочно заблестели.

— Хара... ты абсолютно прав! Если перестроить весь этот прогнивший уклад, находить детей-магов до того, как их успеют сломать эти... — он покосился на макаку на своём плече, — ...обыватели. Если наладить систему точной оценки проклятых духов, отправлять на задания магов с запасом по рангу... Смертей станет в разы меньше! Мы спасём сотни жизней!

Он говорил всё быстрее, захлёбываясь от вернувшегося вдохновения. Это было не утопическое безумие, а реальный, выполнимый план. Его новое Великое Дело.

Хара мысленно вздохнул. Изначально он планировал просто подмять под себя Главный совет магов и править из тени ради спокойствия Сатору. Теперь же придётся ввязываться в масштабные политические реформы. Какая морока!

Но глядя на сияющего Гэто и вспоминая, как сильно Сатору дорожит им, Хара понимал: младший брат поддержит эту затею без колебаний. Даже если ради реформ придётся пустить под нож вековые привилегии клана Годжо, Сатору и глазом не моргнет.

Впрочем, самому Харе на наследие предков тоже было плевать. Семья, традиции, законы — всё это мусор по сравнению с улыбкой брата. Если Сатору захочет перековать этот мир, Хара лично вручит ему ножницы.

— Раз так, — произнёс Хара, прерывая восторженный монолог Гэто, — после выпуска тебе

придётся делать карьеру в Главном совете магов. Я помогу. Ты маг особого ранга, выходец из обычной семьи. Ты идеальный лидер для независимых магов, чьими голосами мы сможем раздавить консерваторов. Когда власть окажется в наших руках, ты сможешь принимать любые законы.

Для Сугуру, который раньше мыслил лишь абстрактными категориями справедливости, эти слова стали откровением. Всё оказалось до банального просто: чтобы изменить систему, нужно встать во главе этой системы. А поддержка двух сильнейших магов эпохи делала эту задачу вполне выполнимой.

Рай для магов больше не казался далёкой сказкой.

— Забирай меня отсюда, — взмолился Гэто, нетерпеливо дёргая Хару за рукав. — Скорее! Нам нужно за работу!

Хара лишь покачал головой:

— Потихе, Брат Справедливость. Наберись терпения.

Гэто действительно был из тех людей, кому жизненно необходимо верить в великую цель, чтобы просто не сойти с ума на этой бесконечной дистанции.

<http://bllate.org/book/19549/2004339>